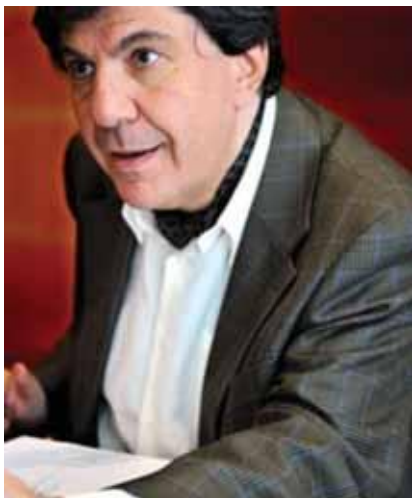

КОРРУПЦИЯ ЭЛИТ ВСКОРМИЛА ПОПУЛИЗМ

Жак Сапир

Жак Сапир — один из ведущих европейских специалистов по экономике Восточной Европы, директор Высшей школы исследований по социальным наукам в Париже. Специалист по проблемам развития российской и советской экономики в институциональном аспекте. Член редколлегий ряда французских научно-исследовательских журналов. Научный советник нескольких организаций и программ (Европейская комиссия, TACIS, PHARE и других).

■ *В XIX и XX веках прогрессивная повестка — это борьба за расширение прав, гражданских, политических и экономических. Что такое прогрессивная повестка в условиях XXI века? Изменилась ли она по сравнению с прежними веками? Вокруг каких пунктов политической повестки разворачивается основная борьба сил прогресса и реакции?*

В начале XXI века прогрессивная повестка скорее расширилась, чем изменилась. Права человека и социальные права поныне остаются проблемной те-

мой даже в развитых странах, где процветает демократия, пусть и формальная в большей степени, чем фактическая. Однако в то же время к «классическому» списку прав человека добавляются новые. И они тоже играют свою роль в текущей радикализации общественного мнения. Самый очевидный пример — то, что можно назвать правом жить в незагрязненной окружающей среде. Это очень важное новое право. Оно способно привести к широкомасштабным коллективным действиям и борьбе. Еще одно нарождающееся сегодня право — право «равной защиты» от природных катаклизмов или риска катаклизмов. В обществах, где такой риск возрастает по причине роста плотности населения (непреднамеренные взаимодействия между людьми), а также распространения новых технологий, люди хотят большей защиты. На эти запросы можно ответить применением «принципа предосторожности», но в этом случае вы рискуете парализовать все общество. Если же вы решили чуть снизить меры предосторожности (а я, честно говоря, другого пути не вижу), тогда придется обеспечивать равную защиту для всех.

Комбинация «старых» и «новых» прав формирует сегодня пространство столкновений между «реакционными» и «прогрессивными» силами.

Если вы поддерживаете настоящую, а не формальную демократию, более равномерное распределение богатств и ресурсов, более справедливый доступ к образованию и здравоохранению посредством широкого предоставления этих общественных благ, если вы выступаете за усиление контроля за экономической деятельностью, которая способна нанести вред окружающей среде, за улучшение защиты от «природных» рисков, вызванных

человеком, тогда да — вы на стороне прогресса.

Что не меняется с годами, так это то, что **опора на индивидуализм в социальной сфере и презрение ко всему, что хотя бы отдаленно напоминает коллективизм, есть отличительная черта консерватизма и даже реакционного подхода к восприятию мира.**

■ *Прав ли английский социолог Т.Г. Маршалл, полагающий, что история западных стран — это история прогрессивного утверждения прав: гражданских, политических и экономических? Согласны ли вы с тезисом о том, что сегодня борьба прогресса и реакции идет вокруг обеспечения граждан экономическими правами?*

Абсолютно верно, что реакционные и прогрессивные силы сегодня сталкиваются из-за экономических прав. Определяющим признаком «реакционной стороны» (если вообще можно говорить о некоей единой сплоченной силе) является попытка освободиться от коллективных действий и наложить ограничения на волеизъявление людей. Конечно, сейчас предполагается, что эти ограничения будут чисто «техническими». Идеология деполитизированной экономики формулировалась в первой половине XX века австрийскими авторами (Фон Мизесом, Хайеком) и стала краеугольным камнем реакционной идеологии. Экономика притязает на то, чтобы быть описательной, аналитической и инструктивной. Некоторые экономисты полагают, что экономические решения следует принимать, не учитывая прямого или косвенного влияния граждан, эти решения должны отвечать «законам» экономики, которые так же надежны, как и законы естественных наук. Но экономика — это социальная наука, а экономические законы, когда они дей-

ствуют, действуют лишь во времени и в зависимости от конкретного контекста.

Шумиха по поводу вмешательства государства в экономику — это и есть те самые попытки деполитизировать экономику. Демократическое государство должно быть выражением воли граждан и обязано удовлетворять их нужды и интересы. Вот почему вопрос о роли государства в экономике по-прежнему определяет ту точку, в которой сталкиваются реакционные и прогрессивные силы.

■ *Может ли утверждение институтов глобального регулирования быть названо частью прогрессивной повестки XXI века? Повсеместные практики международного вмешательства, например, в Ливии, направленные против нарушений прав человека, — это прогрессивные практики?*

О каком глобальном регулировании идет речь? Куда смотрела ООН, когда Грузия бомбила Цхинвали? Всего за одну ночь грузины убили столько же людей, сколько войска Каддафи за шесть недель в Мисрате. Мы делаем вид, что защищаем права человека в Ливии, при этом закрываем глаза на то, что делают с палестинцами. Современные институты рассчитаны не на глобальное регулирование, а на защиту интересов группы стран. Поэтому-то называть сложившуюся ситуацию «глобальным регулированием» — это не просто ошибка, это пародия, это оскорбление.

В Ливии мы наблюдаем дальнейший распад системы глобального регулирования. Разумеется, все делается открыто и из лучших побуждений.

Резолюция №1973 была задумана для того, чтобы не дать правительству использовать военно-воздушные силы против своего народа. Но Франция, Великобритания и Соединенные Штаты поставили эту резолюцию с ног на голову, чтобы больше и больше вмешиваться в идущую сейчас гражданскую войну. Это не только явное злоупотребление и неэффективная с практической точки зрения стратегия, это еще и политика, дис-

кредитирующая систему ООН. Более того, Запад не сформулировал отчетливо цель своего вмешательства. Сначала мы узнаем, что не было задачи устранить Каддафи. Теперь же оказывается, что задача была именно такой. Сначала в этом вмешательстве не должны были участвовать наземные войска. Теперь же велика вероятность того, что в том или ином виде нам предстоит увидеть западные сухопутные силы в действии. Таким образом, цели и

силы, обычно ассоциирующиеся с прогрессивной стороной спектра, поддерживают другую повестку. Это можно увидеть на примере социалистических партий в Европе, которые теперь выступают за приватизацию коммунальной сферы и идут на уступки, разрушающие коммунальную сферу. Подобные партии до некоторой степени присоединились (по крайней мере, частично) к реакционным силам. Конечно, реакционные силы по-

Опора на индивидуализм в социальной сфере и презрение ко всему, что хотя бы отдаленно напоминает коллективизм, есть отличительная черта консерватизма и даже реакционного подхода к восприятию мира

средства вмешательства в дела Ливии без конца меняются, а это значит, что некоторые страны восприняли резолюцию ООН №1973 как некий карт-бланш.

Вот почему мы не можем назвать это вмешательство прогрессивным. На данный момент мы не знаем, увенчается ли оно успехом и какова будет в конце концов судьба Каддафи. Но одно несомненно: система ООН была вновь делегитимизирована западными державами. Это заставит другие страны наращивать ядерный потенциал во имя обеспечения собственной безопасности. Это вмешательство приведет к резкому повышению общего уровня риска.

■ *Кто такие реакционеры и что такое реакционные силы современного мира? Кто стоит за ними и на чем основана их позиция? На чьей стороне сегодня инициатива — на стороне сил прогресса или реакции, то есть сил, по тем или иным причинам препятствующих этим тенденциям?*

Реакционные силы очень редко действуют без прикрытия. Политические или общественные силы, которые можно назвать «реакционными», поддерживают хотя бы отчасти реакционную повестку, тогда как политические

прежнему опираются на политику ненависти, на страх среднего класса и верхних слоев рабочего класса ухудшить свое положение в ситуации резкого экономического падения как в США, так и в Западной Европе. Большого всего в нынешней ситуации поражает то, что против нынешней социальной системы и ее несправедливости уже начали выступать и те силы, которые мы привыкли считать «реакционными».

У Европы есть и свои особенности. Всем известно, что Европейский союз находится в кризисе, а евро в качестве единой валюты для стран с огромной экономикой и структурными различиями просто обречено. Популистские движения теперь включают в свою программу осуждение ЕС и евро. Во Франции это вполне очевидно, и корни этого явления можно проследить вплоть до победы «Нет» (55% — против, 45% — за) на референдуме 2005 года. Часть левых традиционно возражает против создания ЕС. Но сегодня это позиция внутри социалистических партий сошла в значительной степени на нет.

В результате интеллектуального упадка традиционных левых в странах Западной Европы популисты получили все пространство политического в свое полное распоряжение. Недавние опросы

показали, что во Франции более 36% рабочих готовы голосовать за Национальный фронт и только 17% за Социалистическую партию, 16% — за нынешнего президента Саркози. Аналогичная ситуация возникает среди молодежи (моложе 35 лет) и образованных людей. Теперь уже нельзя говорить, что сторонники Национального фронта составляют малый процент населения Франции. До некоторой степени аналогичная ситуация возникает и в других странах.

Все эти факторы предельно осложняют политическую ситуацию, более того, **в среде сил, в целом называемых реакционными, заметны прогрессивные устремления. Так что в политике сейчас все очень запутано.**

■ *Успех националистических сил в Финляндии, рост антииммигрантских настроений в Европе в связи с новой волной мигрантов из Северной Африке, шумиха вокруг движения «Чаепитие» — значит ли все это, что в Европе и США начинается новая волна политической реакции — против излишне разросшейся системы социального обеспечения, против перегибов с правами человека и т. д.?*

Ситуация в США очень отличается от ситуации в Западной Европе. Некоторые популистские партии, в основном во Франции, но и в других странах тоже, выступают не против переизбытка социального государства, а против его недостатка. В США движение «Чаепитие» гораздо ближе к традиционным ре-

Сегодня они поддерживают сильное государство, вмешивающееся в экономику, их больше не интересует христианский фундаментализм (который когда-то был важной составляющей их идеологии), они делают вид, что защищают секулярное общество, построенное во Франции с 1905 года, они согласны с законами, разрешающими аборты.

И все-таки в одном движении «Чаепитие» и популистские движения Западной Европы сходятся: это антииммигрантские настроения. Но даже здесь важно отметить, что французский Национальный фронт хочет, чтобы иммиграцию остановили, а незаконных иммигрантов, проживающих во Франции, выдворили. В этом смысле они не сильно различаются с правоцентристскими партиями. И тут мы снова видим разумную эволюцию.

Единственное исключение в Европе — это, видимо, Венгрия. Здесь мы встречаем движение, очень похожее на реакционные силы 30-х годов XX века. В значительной степени правительство Виктора Орбана ближе к движению «Чаепитие», чем к любым другим популистским силам Западной Европы.

■ *Подобный успех условной «реакции» есть следствие некоторых перегибов прогрессивной повестки, то есть повод задуматься об издержках выбранного направления развития? Или же это препятствие на пути развития к более справедливому обществу, которое необходимо жестко преодолевать?*

В нынешней ситуации поражает то, что против нынешней социальной системы и ее несправедливости уже начали выступать и те силы, которые мы привыкли считать «реакционными»

акционным корням — оно презирает «большое правительство», поддерживает христианский фундаментализм, принципиально не приемлет аборты и так далее. Во французском Народном фронте или иных похожих движениях вы таких черт не найдете.

Главная проблема кроется не в «перегибах» прогрессивной повестки, а в двойных стандартах, которые политические элиты применяют к демократии. С одной стороны, и левые, и правые притворяются, что изо всех сил поддерживают демократию. С

другой стороны, уже на протяжении десяти лет они изо дня в день не обращают внимания на пожелания своих избирателей, отрицают результаты выборов (как это случилось с референдумом 2005 года по мертворожденной Конституции Европейского союза), вводят новые ограничения демократии под какими-то благовидными предлогами. Они терпели рост глобальных компаний до такой степени, что те стали едва ли не сильнее правительств. Вот главные причины успеха популистских движений.

Политические эксперты называют этот успех угрозой для демократии. Но на самом деле все прямо наоборот: **из-за того, что демократия в странах Запада все время слабела, а уровень коррупции политической элиты рос (в свою очередь, это является прямым следствием ослабления демократии), мы получили расцвет популистских движений.** Их успех — это симптом глубокого кризиса демократии, с которым мы столкнулись в некоторых западных странах, особенно остро это проявляется в Западной Европе. Конечно, иногда сам симптом также является частью заболевания. Вы болеете не потому, что у вас температура. У вас температура, потому что вы болеете. Но одновременно слишком высокая температура может убить больного.

Если мы действительно хотим построить более справедливое общество, самое важное — дать ответ на кризис демократии. Нам нужны правительства, по-настоящему представляющие своих избирателей, обладающие достаточной властью, чтобы обуздать частные интересы, когда они начинают угрожать интересам большинства. Проводимая ими политика должна соответствовать настоящим нуждам большинства («старые» и «новые» социальные права). Но я очень сомневаюсь, что такое возможно с нынешней политической элитой. **Воистину мы вступаем в новую эпоху потрясений и революций.** ■

Юлия Нетесова специально для Ярославского Форума